

A magical forest scene at night. A large, glowing full moon hangs in the sky, casting a soft light over the scene. In the center, a woman with long, flowing hair and a long, dark, ornate dress stands with her back to the viewer, looking towards the moon. The forest is filled with tall, dark trees and glowing, ethereal flowers in shades of purple and pink. The ground is covered in a layer of fallen leaves and flowers, and the entire scene is reflected in a pool of water in the foreground. The overall atmosphere is dreamlike and mystical.

Евгений Расс
«Фея
в
белах,
или
Бал
у
князя
Тьмы
с
оливье»

18+

Елена Расс

«Фея в бегах, или Бал у князя Тьмы с оливье»

<https://litres.ru/74026726>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бухгалтер Лика Лопухова мечтала только об одном: чтобы мама перестала сватать её за Вадика — менеджера по продажам холодильников. Но судьба (и старая брошь, купленная в переходе) распорядилась иначе. Чихнув в кладовке, Лика вываливается на балу в княжестве Тьмы — в тапках, зелёном свитере и с тазиком оливье наперевес.

Местный князь Севастьян, мрачный перфекционист с горящими глазами, не рад хаосу. Его бывшая невеста Виола тут же объявляет Лику шпионкой Света. Спасаясь от погони, дуэли и киллера-мантикоры, бухгалтер выясняет: оливье — не просто салат, а ритуальное блюдо, способное раскрыть убийство двадцатилетней давности.

Теперь Лике предстоит обхитрить коварную графиню, научиться летать (крылья растут с перебоями) и, кажется, влюбиться в самого опасного мужчину Тьмы. И всё это — к балу! Главное — не перепутать майонез с ядом и успеть до того, как оливье остынет.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Расс

«Фея в бегах, или Бал у князя Тьмы с оливье»

Глава

Главная героиня: Лика Лопухова — 32 года, бывший бухгалтер, случайно попавшая в магический мир и обнаружившая, что она фея неопределённой специализации (крылья растут из лопаток, но с перебоем).

Герой: князь Тьмы Севастьян Грозович — высокий, брутальный, любит идеальный порядок, чёрный цвет и терпеть не может хаос (и оливье).

Антагонист: бывшая невеста князя — графиня Виола Вихрастая (чистокровная тёмная фея, манипуляторша).

Часть 1. «Сбежать от жениха, чтобы не есть студень»

Глава 1. «Сватья с батоном наперевес»

Если вы думаете, что худшее в жизни бухгалтера — это годовой отчёт, то вы глубоко ошибаетесь. Годовой отчёт сдаётся раз в год, а мать звонит каждое утро. Особенно когда ты разменяла третий десяток, работаешь в «ООО Рога и Копыта № 7 бухгалтерские услуги» и до сих пор не замужем.

— Лика! — голос мамы в трубке был такой звонкий, что с моей прикроватной тумбочки слетела кружка с остатками вчерашнего кофе. — Ты почему не отвечаешь? Я тебе жениха нашла!

Я промычала нечто нечленораздельное, попыталась нырнуть под подушку, но подушка, зараза, была плоская, как отчёт о нулевых доходах.

— Мамуль, мне на работу через сорок минут...

— Какая работа?! — возмутилась мама таким тоном, будто я предложила пойти торговать государственной тайной. — Ты, дочь, на диспансеризации. Я уже позвонила твоей Зинаиде Петровне, она всё поняла. Женское здоровье — это святое.

Зинаида Петровна — моя начальница. Мама звонила ей ровно два раза в жизни. Первый раз — когда мне было че-

тырнадцать и я отказалась от борща на ужин (она решила, что у меня анорексия). Второй раз — сейчас.

— И кто на этот раз? — обречённо спросила я, понимая, что отмазка «диспансеризация» уже принята и обратной дороги нет.

— Вадик! — с придыханием выдохнула мама. — Ты только не пугайся сразу.

— Почему я должна пугаться?

— Потому что он менеджер по продажам холодильников. Но не простых, а «Атлант»! Слышишь? «Атлант»! Это вам не какая-то «Bosch»!

Я мысленно застонала. Моя мама делила мужчин на три категории. Первая — менеджеры среднего звена (годятся). Вторая — директора магазинов («высший пилотаж»). Третья — просто олигархи (таких, к сожалению, в нашем городе не водилось, только в телевизоре). Вадик из «Атланта» переползал из первой категории во вторую где-то на уровне морозильных камер.

— Мам, мне тридцать два года, я сама могу выбрать...

— Выбрала уже! — отрезала мама. — Помнишь твоего кота Ваську? Тоже выбрала! А он потом на шторы запрыгнул и порвал их! Мужчину надо выбирать душой, Лукерья!

Меня зовут Лика. Лукерьей меня никто не называет, кроме мамы, и только когда она очень зла или очень радостна. Сейчас был второй вариант.

— Короче, в два часа дня ты у памятника Ленину. Он тебя встретит. У него будет батон в руках, — добавила мама таинственным шёпотом.

— Батон? — переспросила я, решив, что ослышалась. — В смысле — батон хлеба?

— В смысле — знак. Он тебя раньше не видел, а ты — его. Фоток я вам не давала. Батон — это символ семейного благополучия. Я сама придумала!

Я закрыла глаза и мысленно представила себе ситуацию. Я иду к памятнику Ленину, ищу мужика с батоном. Рядом — бабки с семечками, пара гастарбайтеров, пьющих пиво, и Ленин с протянутой рукой. И посреди этого великолепия стоит менеджер по продажам холодильников и держит батон наперевес, как меч короля Артура.

— Мама, я не пойду, — сказала я твёрдо.

— Пойдёшь! — ещё твёрже ответила мама. — Или я приеду к тебе сама. С ночёвкой. И буду варить тебе студень.

Студент был последним аргументом, который мама использовала в самых критических ситуациях. Она знала, что я ненавижу студень. Не просто «не люблю», а с детства. Дрожащая масса с кусками мяса и морковными звёздочками вызвала у меня такой же ужас, как у нормальных людей — пауки или налоговые проверки.

— Всё, я согласна, — сдалась я. — Где Ленин, во сколько, что надеть?

— Ленин в центре, как обычно. В два. Надеть — что хочешь, но не чёрное. Ты и так бледная, как поганка. И приготовь что-нибудь к чаю, он после работы зайдёт к тебе знакомиться.

Мама сбросила звонок раньше, чем я успела возразить.

Я уставилась в потолок. В потолке, как назло, была трещина в виде профиля Чарли Чаплина. Я решила, что это знак. Но к чему — пока не поняла.

Следующие два часа прошли в лихорадочной попытке привести себя в порядок. Чёрное платье? Мама запретила. Красное? Буду похожа на пожарную машину. Коричневое? Сольюсь с Лениным — у него пальто тоже когда-то было коричневым.

Я остановилась на зелёном свитере и джинсах. Надеюсь, Вадик оценит мой природный стиль. Кто я вру? Надеюсь, Вадик просто не упадёт в обморок.

Зачем я вообще согласилась на этот цирк? Ах да, студень.

В двенадцать часов я открыла кладовку, чтобы достать зонт (на улице моросило, как по заказу самого депрессивного режиссёра мира), и тут произошло нечто странное.

В кладовке у меня хранилось всё, что не влезло в шкафы: лыжи (я на них каталась два раза в 2008-м), старый утюг, который греет через раз, коробка с новогодними игрушками, пахнущая мандаринами и детством, и... брошь.

Я про неё совсем забыла.

Брошь лежала на верхней полке, заваленная пыльными журналами «Лиза». Я купила её в переходе метро полгода назад у цыганки. Цыганка говорила, что брошь старинная, ма-

гическая, исполняет желания. Я купила, потому что брошь была красивая: чёрный камень в серебряной оправе, похожий на кошачий глаз, только с красным отливом. И стоила копейки — сто рублей. Я тогда ещё подумала: «Мне бы сто рублей, чтобы желание исполнилось, а не брошь».

Но брошь я взяла. Дома положила на полку и забыла.

И сейчас, когда я потянулась за зонтом, случайно задела эту брошь, и она упала на пол.

— Чтоб тебя, — буркнула я, нагибаясь.

Как только мои пальцы коснулись холодного металла, я чихнула.

Не просто чихнула, а так, что в ушах зазвенело. Аллергия на пыль, ничего удивительного.

Удивительное началось после.

Пол под моими ногами пошёл волнами, как будто я стояла не на бетонной плите хрущёвки, а на резиновом плоту в шторм. Стены кладовки задрожали, с полок посыпались журналы, лыжи жалобно звякнули, а в углу возникло... пятно.

Фиолетовое пятно, которое пульсировало и росло.

— Мамочки, — сказала я, потому что умнее ничего в голову не пришло.

Пятно превратилось в воронку. Нет, не как в унитазе. Как в кино про путешественников во времени. Воронка светилась, искрилась и пахла... оливье?

Я хотела отшатнуться, но в этот момент с кухни раздался звонок телефона. Мама, наверное, проверяет, вышла ли я к Ленину.

— Не сейчас! — крикнула я в сторону кухни, но воронка, видимо, решила, что кричу я ей.

Она дёрнулась, схватила меня за ноги и потянула внутрь.

И вот тут самое глупое.

Когда тебя засасывает в фиолетовую воронку, нормальный человек хватается за что-нибудь тяжёлое. За дверной косяк, за батарею, за унитаз в конце концов.

Я схватилась за тазик с оливье.

Да-да, тот самый тазик. Я приготовила оливье на корпоратив в пятницу. Нарезала всё, заправила майонезом, убрала в холодильник. А сегодня утром достала, потому что... ну, потому что Зинаида Петровна велела принести салат на отдельном блюде, а отдельного блюда у меня не было, только тазик.

И вот я лечу сквозь фиолетовую воронку, прижимая к груди тазик с оливье, в зелёном свитере, джинсах и домашних тапках, и ору так, что, наверное, слышно в соседней галактике.

— Я НЕ ХОЧУ ЗАМУЖ ЗА ВАДИКА-ХОЛОДИЛЬНИК! И СТУДЕНЬ ЕСТЬ НЕ БУДУ!

Воронка выплюнула меня с такой силой, что я пролетела кувыркком, приземлилась на что-то твёрдое и холодное, и сверху меня накрыло... музыкой? Нет, это не музыка. Это была какофония. Скрипки, флейты, и какой-то мужик басом пел на непонятном языке.

Я открыла глаза.

Я лежала на полу. На полу из чёрного мрамора, который блестел так, будто его натирали ежесекундно. Надо мной был

потолок — высокий, сводчатый, расписанный фресками, где какие-то существа в чёрных балахонах дубасили друг друга молниями. Вокруг стояли люди.

Точнее, не совсем люди. У некоторых были крылья. Летучих мышей. У некоторых — клыки, торчащие из-под губ. У одной дамы в платье с корсетом — такой вырез, что я застеснялась. Сама я в сравнении с ней выглядела как воробей после ливня.

И все они смотрели на меня.

А я сидела на полу, в тапках, и держала в руках тазик с оливье, из которого, пока я летела, половина рассыпалась по моему зелёному свитеру и чёрному мрамору.

Тут музыка резко оборвалась. Баритон замолк на полуслове.

И тяжёлая, давящая тишина повисла в зале.

Я подняла голову.

Прямо напротив меня, на троне из чёрного дерева (и черепов? кажется, я видела череп!), восседал мужчина.

О, это был мужчина.

Чёрные волосы до плеч, бледная кожа, острые скулы, и глаза — тёмно-серые, почти чёрные, с красными искрами. На нём был длинный плащ из чего-то дорогого и блестящего, а под плащом — камзол с серебряной вышивкой.

Он смотрел на меня так, будто я — таракан в его супе.

Потом перевёл взгляд на оливье, рассыпанное по его идеальному полу.

И сказал голосом, от которого у меня мороз пошёл по спине — а в кладовке было не холодно, кстати:

— Что это.

Это даже не был вопрос. Это был приговор.

Я открыла рот, закрыла, набрала воздуха и сказала первое, что пришло в голову:

— Оливье. Хотите? Майонез «Провансаль», колбаса варёная, горошек, огурцы солёные. Яйца, правда, переварила, но вкус всё равно нормальный.

Тишина стала ещё тяжелее. Кто-то из гостей икнул.

А мужчина на троне медленно, очень медленно прикрыл глаза.

И спустя несколько ударов сердца, которые я отсчитывала по своему грохочущему пульсу, произнёс:

— Стража. Схватить... это.

И вот тут я поняла, что мои проблемы с Вадиком-холодильником были просто детским лепетом по сравнению с тем, что меня ждёт здесь.

Но самое обидное — мама всё равно будет права. Она скажет: «Я же говорила, не носи ты этот зелёный свитер!»

Глава 2. «Попаданка с недочётом»

Стража появилась из ниоткуда. Трое мужчин в чёрных доспехах, с мечами наголо. Их лица скрывали шлемы с забралами в виде оскаленных морд, но я была готова поклясться, что под шлемами они улыбаются. Ещё бы — разнообразить скучный бал феей в тапках с оливье на свитере — это вам не каждый день выпадает.

— Не трогайте меня руками! — заорала я, отбиваясь тазиком. Тазик, кстати, был пластмассовый, розовый, с надписью «Хозяюшка». Мама подарила на Новый год, со словами: «Нормальные женщины салаты в тазиках делают, а не в кастрюлях».

Один стражник попытался схватить меня за локоть, и я со всей дури заехала ему тазиком по шлему. Раздался звон, как от удара в колокол. Стражник охнул и пошатнулся.

— Держите её! — рявкнул кто-то из толпы.

— А вы не лезьте! — заорала я в ответ, одновременно пытаясь подняться на ноги, поскользнулась на собственном оливье и снова шлёпнулась на мрамор. Теперь зелёный свитер украшала ещё и морковка.

— Князь, — раздался томный женский голос из толпы. — Это что за балаган? Вы пригласили... это... вместо развлечения?

Я повернула голову и увидела её. Женщина, которая говорила. И сразу поняла: вот это настоящая героиня этого мира, а я тут так, букашка подзаборная.

Она была высокая, стройная, в платье такого чёрного цве-

та, что он, казалось, впитывал свет. Волосы — тёмно-синие, как вороново крыло, завиты в сложную причёску, украшенную гребнем с рубинами. Глаза — фиолетовые. Фиолетовые, Карл! А мои — серо-буро-малиновые в крапинку.

— Виола, — холодно произнёс князь. — Я не приглашал. Это... вторжение.

Виола. Запомним имя. Потому что эта женщина смотрела на меня так, будто я сейчас умру, и она лично будет наблюдать за процессом с креветкой в руке.

— Вторжение? — Виола рассмеялась. Мелодично, как ручеёк в лесу, если в ручейке плавают пираньи. — Это жалкое существо? Князь, вы шутите. У неё даже крылья не растут оттуда, откуда надо.

Я инстинктивно пощупала свои лопатки. Нет, всё как обычно. Крыльев за мной не водилось, даже с утра.

— Объяснитесь, — князь спустился с трона. И вот тут я поняла, насколько он высокий. Метра два, не меньше. Я рядом с ним — как хоббит рядом с эльфом, только без кудрявых ног.

— Я... я сама не знаю, — честно призналась я, продолжая

сидеть на полу, потому что ноги не слушались. — Я чихнула. И брошь. И потом воронка. И оливье.

— Она говорит загадками, — скривилась Виола. — Верный признак безумия. Или службы Света.

При слове «Свет» толпа зашумела. Кто-то испуганно перекрестился (крест у них был пятиконечный, я запомнила), кто-то схватился за амулеты.

— Тишина, — князь поднял руку, и шум стих мгновенно. — Женщина. Как вас зовут.

Не спросил, а приказал. Но в его тоне было что-то... Я не знаю. Может, мне просто показалось от шока. Но мне захотелось ответить.

— Лика, — буркнула я. — Лукерья Лопухова. Бухгалтер. Из Москвы. Улица Вавилова, дом восемь, квартира тридцать четыре. Там у меня кот Васька, и его надо кормить, а то он шторы сдерет.

Кто-то в толпе хихикнул. Виола бросила на хихикнувшего такой взгляд, что тот мгновенно заткнулся.

— Бухгалтер? — переспросил князь, нахмутив идеальные

брови. — Что означает это слово?

— Человек, который считает чужие деньги, — пояснила я. — И платит налоги. Ну, то есть, вычитает, прибавляет... неважно. Главное, я ничего не украла! И не вторгалась! Меня засосало!

— Засосало? — теперь в голосе князя слышалось любопытство. Он наклонился и поднял с пола... мою брошь!

Когда я летела, брошь выпала из рук. И теперь лежала на мраморе, поблёскивая красным глазом.

— Камень перехода, — тихо сказал князь, повертев брошь в пальцах. — Редкая вещь. Откуда у вас это, Лукерья?

— В переходе купила! — выпалила я. — У цыганки. За сто рублей. Она сказала, что магическая, а я не поверила! Ну, кто в наше время верит в магию? Только дети и бабушки у подъезда!

— В вашем мире не верят, — кивнул князь, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на грусть. — Это печально.

Тут в разговор снова влезла Виола.

— Князь, не отвлекайтесь на бредни этой... особы. Камень перехода — да. Но мог ли он перенести сюда обычную смертную? Нет. Значит, она не просто смертная. Возможно, шпионка Света, притворяющаяся дурочкой.

— Я не притворяюсь, — огрызнулась я, наконец вставая на ноги. — Я диплом бухгалтера могу показать! У меня в сумке! Там ещё паспорт и шоколадка «Алёнка»!

— Сумка осталась в вашем мире, — сухо заметил князь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.